

ЭВОЛЮЦИЯ ОБРАЗА УЧЕНОГО В ДРЕВНЕЙ ГРЕЦИИ

И. Д. РОЖАНСКИЙ

Согласно установившейся традиции, Фалес Милетский считается родоначальником греческой, а следовательно, и европейской философии и науки. «Основоположник того направления в философии, которое кладет в основу сущего единое материальное первоначало», «мудрейший», «первый исследователь природы», «родоначальник греческой математики» — такими или сходными характеристиками награждают Фалеса Аристотель и античные доксографы. Даты рождения и смерти Фалеса до нас не дошли; известно только, что его деятельность протекала в первой половине VI в. до н. э. Существует лишь одна точная дата, связанная с жизнью Фалеса, о которой сообщает Геродот. В первой книге своей «Истории» он повествует о войне лидийцев с мидянами, длившейся свыше пяти лет, и затем добавляет: «Так с переменным успехом продолжалась эта затяжная война, а на шестой год во время одной битвы внезапно день превратился в ночь. Это солнечное затмение предсказал ионянам Фалес Милетский и даже точно определил заранее год, в котором оно и наступило. Когда лидийцы и мидяне увидели, что день обратился в ночь, то прекратили битву и поспешно заключили мир»¹.

Сопоставление исторических и астрономических данных позволяет точно установить дату затмения: оно произошло 28 мая 585 г. до н. э. Оставляя в стороне вопрос о том, каким образом Фалес мог (и мог ли вообще) предсказать его, мы вправе воспользоваться рассказом Геродота для приблизительного определения года рождения Фалеса. Этим занимались уже древние историки: принимая, что к 585 г. Фалес находился в расцвете своей деятельности, они относили к этому времени его «акме» (т. е. его 40-летие). При таком предположении время рождения Фалеса приходится на 625 г. до н. э. Разумеется, это расчет весьма приблизительный: ко времени солнечного затмения 585 г. Фалесу могло быть как 35, так и 50 лет. Учитывая это обстоятельство, можно все-таки утверждать, что примерно в наше время исполняется (или уже исполнилось) 2600 лет со дня рождения Фалеса. Таким внушительным юбилеем не может похвастаться никакой другой деятель науки за всю историю человечества.

Мы не будем пересказывать общеизвестных сведений о философских воззрениях Фалеса, о которых сообщает Аристотель², воздержимся также от анализа свидетельств ученика Аристотеля Эвдема, дошедших до нас в изложении неоплатоника Прокла, о достижениях Фалеса в области математических наук³. Сведения обо всем этом можно почерпнуть в любом курсе по истории античной философии или науки. Наша задача иная: на примере Фалеса мы хотим проследить, как на протяжении эпохи классической античности эволюционировал образ типичного ученого и, следовательно, менялись представления о задачах науки. Говоря кратко, темой нашей статьи будет легенда о Фалесе.

¹ Геродот. I, 74 (пер. Г. А. Стратановского).

² Аристотель. Метафизика, I, 3. 983 в 19—23; О небе, II, 13. 294а 28—31; О душе, I, 5. 411а 7—8.

³ Прокл. Комментарии к Эвклиду, с. 157, 250, 299, 352 (ed. Friedl.).

Употребляя слово «легенда», мы отнюдь не отождествляем ее с вымыслом. Под легендой в рассматриваемом контексте понимается вся совокупность косвенных сведений о жизни и деятельности данного человека, включая сообщения о его наружности, характере, поведении в тех или иных ситуациях, отношении к людям и государству и т. д. Наконец, к легенде относятся передававшиеся из поколения в поколение высказывания этого деятеля, чаще всего имевшие форму афоризмов или остроумных ответов на задававшиеся ему вопросы. Все эти сведения именуется легендой, поскольку их правильность (или ложность) не может быть документально доказана или проверена. Легендой окружены имена большинства знаменитых мыслителей ранней античности — Пифагора и Гераклита, Эмпедокла и Анаксагора, Демокрита и Сократа. Естественно, что легендарный элемент в значительной степени присутствует во всех сообщениях о первом греческом философе Фалесе, тем более, что сам Фалес, по-видимому, не оставил после себя никаких трудов или иных письменных документов.

Характерной особенностью легенды о Фалесе является наличие в ней двух резко различающихся и, строго говоря, несовместимых друг с другом традиций. Первая традиция, связанная с преданием о так называемых «семи мудрецах», к числу которых относился и сам Фалес, представляется более древней. В рамках второй традиции Фалес выступает в качестве идеала ученого, целиком поглощенного поисками истины и далекого от суетных забот повседневной жизни. Эта традиция возникла значительно позже — скорее всего, в конце V или начале IV в. до н. э. Любопытно, что в письменном зафиксированном виде обе эти традиции встречаются у одного и того же автора, а именно у Платона. В «Протагоре» Платон приводит список «семи мудрецов», в котором содержится и имя Фалеса⁴. В «Государстве» имеется беглое упоминание о Фалесе как о человеке, искусном в практических делах⁵. Наконец, в «Теэтете» дается развернутый образ Фалеса в духе второй из указанных традиций⁶.

Здесь целесообразно сделать небольшое отступление, посвященное преданию о «семи мудрецах». Истоки этого предания имеют явно мифологический характер; это подтверждается, в частности, мифом о гелиадах — сыновьях бога солнца Гелиоса. Изложение этого мифа мы находим в седьмой олимпийской оде Пиндара, написанной в честь Диагора из Родоса — победителя в кулачном бою на олимпийских играх 464 г. до н. э. В этой оде наряду с восхвалением своего героя поэт говорит о его родине — острове Родос — и излагает мифы, связанные с этим островом. Этих мифов мы не встречаем в известных нам памятниках греческого эпоса; по-видимому, они были местными мифами, связанными с культом Гелиоса, основным центром которого издавна был остров Родос.

Нас интересует прежде всего миф о происхождении острова Родос. Пиндар рассказывает, что, когда Зевс и другие боги делили между собой землю, остров Родос еще был скрыт в пучине моря. Во время жеребьевки отсутствовал Гелиос: он был, очевидно, занят своим ежедневным обходом, и о нем просто забыли. Когда обнаружилось это недоразумение, Зевс хотел провести жеребьевку заново, но Гелиос остановил царя богов, сказав, что он видел сквозь седое море землю, пригодную для жизни людей и благоприятную для скота, и попросил передать эту землю ему. С помощью богини судьбы Лахесис этот остров был поднят на поверхность, после чего Гелиос сочетался любовью с нимфой Родос

⁴ Платон. Протагор, 342 E—343 A.

⁵ Платон. Государство, 600 A.

⁶ Платон. Теетет, 174 A.

(заметим, что по-гречески «остров» — слово женского рода), которая родила ему семь сыновей. Прочитируем самого Пиндара:

Здесь, сочетавшись с Родос,
Породил он семь сынов.
Мудрейших мыслями меж первых людей⁷.

Сам Пиндар не сообщает имен семерых сыновей Гелиоса; эти имена со ссылкой на младшего современника Пиндара, логографа Гелланика, приводятся в схолиях к Пиндару⁸. Изложение дальнейшей истории сыновей Гелиоса можно найти у Диодора⁹; при этом Диодор подчеркивает их познания в области астрономии и кораблевождения, а про одного из них, которого звали Актис, Диодор пишет, что он переселился в Египет, основал там город Гелиополь и обучил египтян астрологии. Разумеется, эти детали свидетельствуют о том, что на миф о гелиадах наложился представления о позднейших семи мудрецах, к которым принадлежал и Фалес. Но в своем первоначальном виде миф о семи сыновьях Гелиоса. «мудрейших мыслями среди первых людей», восходил, по-видимому, к очень древнему времени.

Если миф о гелиадах был связан с родосским культом бога Гелиоса, то легенда о семи мудрецах начала VI в. до н. э. возникла в атмосфере дельфийского культа Аполлона. Это обстоятельство станет понятным в дальнейшем, а сейчас мы обратимся подробнее к вопросу о семи мудрецах.

Канонический список семи мудрецов включал следующие имена: Биант из Приены; Клеобул из Линда (на острове Родос); Периандр из Коринфа; Питтак из Митилена (остров Лесбос); Солон из Афин; Хилон из Лакедемона; Фалес из Милета. Этот список, однако, варьируется у различных авторов. Так, в перечне семи мудрецов, сообщаемом Платоном в «Протагоре», отсутствует Периандр; вместо него фигурирует малоизвестный Мюсон из Хены. Эта замена была произведена, возможно, потому, что известный своей жестокостью коринфский тиран Периандр был Платону антипатичен. В списках, приводимых более поздними авторами, появляются другие имена: Эпименид, Анахарсис, Акусилай, Ферекид, Пифагор и т. д. На этих позднейших добавлениях мы останавливаться не будем; заметим только, что во всех списках неизменным оставалось число семь — обстоятельство, подчеркивающее сакральный характер предания о семи мудрецах. Четыре имени присутствуют во всех без исключения списках, это — Фалес, Биант, Питтак и Солон. Что касается Периандра, то легенде о нем также присуща двойственность, хотя эта двойственность имеет другой характер, чем в случае Фалеса: в одних сообщениях Периандр выступает в качестве одного из семи мудрецов, т. е. деятелей, наиболее почитавшихся греками, в других же он фигурирует как тиран, отличавшийся беспощадной жестокостью¹⁰.

Тиранами в Греции назывались правители, пришедшие к власти не в силу наследственных прав (как древние басилевсы), а выдвинувшиеся во время социальных смут, потрясавших греческие государства в VII—VI вв. до н. э. Подобно Периандру, тираном был Клеобул, правитель г. Линда на острове Родос. Аналогичную роль играл в Митиленах Питтак — вождь народной партии на острове Лесбос. В стихах Алкея мы находим резкие, исполненные ненависти и презрения выпады против Питтака. Прочие «мудрецы» не принадлежали к категории тиранов, хотя тоже были государственными деятелями. Лучше всего из них нам

⁷ Пиндар. Олимпийские оды, VII, 71—73 («Вестник древней истории», М., 1973, № 3, с. 237—239).

⁸ Схолии к Пиндару, 132a (ed. Drachm.).

⁹ Диодор. Историческая библиотека, V, 55—61.

¹⁰ Скржинская М. В. Образ коринфского тирана Периандра в устной традиции и в древней литературе.— В сб.: Античность и современность. К 80-летию Федора Александровича Петровского М., «Наука», 1972.

известен Солон, знаменитый афинский законодатель и реформатор. О Бианте из Приены известно очень мало, хотя имя его было окружено ореолом почитания: он славился как безупречно справедливый судья. Лакедемонянин Хилон был в какое-то время в составе эфората в Спарте; в остальном же о его деятельности до нас не дошло никаких сведений.

Почему же именно эти люди позднее были причислены к «мудрецам», хотя очевидно, что при жизни их деятельность отнюдь не встречала единодушной поддержки сограждан? Просматривая канонический список «семи мудрецов», мы видим, что все они (или почти все) были в первую очередь государственными деятелями, игравшими ведущую роль в ломке старых общественных устоев, основывавшихся на власти родовой аристократии, и в создании новых порядков и, что особенно важно, новой этики, на базе которой формировалось самосознание свободных граждан греческих полисов. Основные положения этой этики зафиксированы в форме изречений («гномов»), якобы принадлежавших «мудрецам». Сократ в платоновском «Протагоре» восхваляет мудрецов за то, что они выражали свою мудрость таким образом — в кратких и легко запоминающихся изречениях, и приписывает это обстоятельство тому, что все они были ревнителями и сторонниками лаконского воспитания, презиравшего многословие и приучавшего к сжатому и ясному выражению мыслей. «Сойдясь вместе, — говорит Сократ, — они посвятили эти изречения, как начаток мудрости, Аполлону в его храме в Дельфах, написавши то, что все прославляют: „познай самого себя“ (gnōthi sauton) и „ничего слишком“ (meden agan)»¹¹. Полное собрание этих изречений было составлено Деметрием Фалерским, а позднее его воспроизвел Стобей, благодаря которому оно нам и известно¹². Изречения были распределены Деметрием примерно поровну между всеми семью мудрецами. Так, например, изречение «познай самого себя» приписано Хилону, «ничего слишком» — Солону, а «демократия лучше тирании» принадлежит (как это ни странно) Периандру. Фалесу Деметрий приписал 20 изречений, среди них такие: «трудно познать самого себя», «помни друзей присутствующих и отсутствующих», «не обогащайся дурно», «невежество тягостно», «учи и учись лучшему»...

Уже здесь мы убеждаемся в тесной связи легенды о «семи мудрецах» с дельфийским культом Аполлона. Именно к этому времени Дельфы стали важнейшим идеологическим центром Греции, а Аполлон — общеэллиническим богом, вторым по значению после Зевса. Наиболее известные изречения «мудрецов» были высечены на стенах храмов Аполлона в Дельфах и на острове Делос. Следует при этом полагать, что дело обстоит не так, как пишет Платон в приведенной выше цитате, а именно, что мудрецы, сойдясь вместе, посвятили свои изречения Аполлону, после чего они были высечены в храме, а наоборот — изречения, высеченные в храмах Аполлона, стали затем приписываться тому или иному из семи мудрецов. Именно Дельфы следует считать местом, где был составлен и канонизирован список семи мудрецов.

Общезвестна новелла о золотом треножнике, выловленном рыбаками в море; эту новеллу рассказывает, в частности, Плутарх в биографии Солона¹³. Когда дельфийской пифии задали вопрос, кому следует отдать этот треножник, она ответила: «Мудрейшему». После этого, согласно одной версии рассказа, треножник отдали Фалесу, тот передал его другому из «семи», другой — третьему, и в конце концов, обойдя полный круг, треножник вернулся к Фалесу. Получив треножник вторично, Фалес посвятил его Аполлону, передав в Дельфы. Согласно дру-

¹¹ Платон. Протагор, 343 В.

¹² Стобей. III, I, 172 (DK 10, A3).

¹³ Плутарх. Солон, IV.

гой версии, первым, кому был отдан треножник, был Биант, но дальше все происходит таким же образом. Эта новелла, очень популярная в древности, лишней раз подтверждает связь легенды о «семи мудрецах» с Дельфами.

Фалес занимает в списке «семи мудрецов» несколько особое место. Это подчеркивает, в частности, Плутарх. «Вообще (пишет он), по-видимому, Фалес был тогда единственным мудрецом, который в своих исследованиях пошел дальше того, что нужно было для практических потребностей; все же остальные получили название мудрецов за свое искусство в государственных делах»¹⁴. Действительно, Фалес не был ни тираном, ни ведущим политическим деятелем, а кроме того, в отличие от других «мудрецов» он занимался наукой. Тем не менее в семерку мудрецов он был включен отнюдь не за свои научные заслуги, а прежде всего благодаря своей государственной мудрости, имевшей чисто практический характер. Как сообщает Диоген Лаэртский, «в государственных делах Фалес давал самые лучшие советы»¹⁵. В качестве примера Диоген Лаэртский указывает на тот факт, что, когда Крез обратился за помощью к милетцам, Фалес этому воспротивился. И так как победителем оказался не Крез, а Кир, то благодаря совету Фалеса Милет был спасен¹⁶.

Наиболее старым источником, из которого можно почерпнуть сведения о государственной мудрости Фалеса, является Геродот. В его книгах имя Фалеса упоминается в связи с тремя случаями. Во-первых, в связи с полным солнечным затмением, приведшим к прекращению войны между мидянами и лидийцами. Об этом уже говорилось выше. Во-вторых, в связи с походом Креза против Кира¹⁷. Подойдя к реке Галис, Крез остановился в затруднении, не зная, как ему перевести войско через реку. В этом ему помог Фалес, велевший прокопать канал в виде полумесяца таким образом, чтобы река изменила свое течение и обошла войско Креза с тыла. Геродот не верит этому сообщению, полагая, что Крез перевел войско через реку по мосту, который существовал там во времена Геродота. Наконец, третий факт относится к более позднему времени. Чтобы спасти ионийские города от персидской угрозы, нависшей над ними после поражения Креза, Фалес (в то время, по-видимому, уже глубокий старик) посоветовал создать нечто вроде конфедерации с центром в г. Теос при сохранении известной автономии каждого города¹⁸.

Мы видим, что в свидетельствах Геродота Фалес фигурирует как деятель весьма широкого профиля. Предложив создать конфедерацию ионийских городов, Фалес выступил как государственный деятель, поднявшийся выше партикуляризма отдельных полисов, живших обособленной друг от друга жизнью и ревниво охранявших свою независимость. Перевод войск Креза через реку Галис (если сообщение об этом считать соответствующим действительности) свидетельствует о высокой квалификации Фалеса в чисто инженерных вопросах. Самым трудным и неясным для историка является сообщение о предсказании Фалесом полного солнечного затмения. Об этом предсказании пишут многие авторы как о бесспорном факте; так, у Диогена Лаэртского мы читаем, что не только Геродот, но уже Ксенофан удивлялся Фалесу по этому поводу, а ведь Ксенофан был младшим современником Фалеса. Представляется несомненным, что предсказать солнечное затмение с помощью научных вычислений Фалес еще не был в состоянии; в VI в. до н. э. этого не могли делать даже вавилоняне, превосходившие в области аст-

¹⁴ Там же, III.

¹⁵ Диоген. Лаэртский, I, 25.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Геродот, I, 75.

¹⁸ Там же.

рономии всех своих близких и дальних соседей¹⁹. Предсказание Фалеса — если оно было им сделано — не имело отношения к его астрономическим (а следовательно, и вообще научным) познаниям. Да оно и не воспринималось так его современниками. Для них предсказание затмения было свидетельством глубокой, почти сверхъестественной мудрости Фалеса — мудрости, возвышавшей его над уровнем простых смертных. Поэтому, хотя этот факт и стоит несколько особняком в легенде о «семи мудрецах», он отнюдь не противоречит образу Фалеса как одного из таких мудрецов.

Более поздние источники — в том числе Аристотель, Плутарх, Диоген Лаэртский — сообщают некоторые сведения о личности Фалеса и его деятельности не в качестве «мудреца», а в роли обычного гражданина Милета. Плутарх в биографии Солона указывает, что Фалес так же, как и математик Гиппократ Хиосский (живший через 100 с лишним лет после Фалеса), занимался торговлей. Как бы оправдываясь, Плутарх пишет, что «в те времена, по выражению Гесиода, никакая работа не была позором, ремесло не вносило различия между людьми, а торговля была даже в почете, потому что она знакомила эллинов с миром варваров, доставляла дружбу с царями и давала разносторонний опыт»²⁰. Аристотель в «Политике» приводит рассказ о том, как Фалес, предвидя на основании астрономических данных богатый урожай оливок, контрактировал все маслобойни в Милете и на острове Хиос, что позволило ему после сбора урожая приобрести много денег. Эта коммерческая операция мотивируется в рассказе стремлением Фалеса доказать, что философ, если захочет, легко может разбогатеть, но только не это интересует его в первую очередь. Но каковы бы ни были подлинные мотивы действий Фалеса, рассказ Аристотеля рисует его как очень делового и практического человека.

Итак, под легендарной оболочкой одного из «семи мудрецов» выступает образ реального Фалеса. Меньше всего он походил на ученого в нашем современном понимании. Это был прежде всего человек дела: он занимался политикой, коммерцией, много путешествовал, в частности (как сообщают многие источники²¹), побывал в Египте. Обладая типично эллинской любознательностью, он приобрел на Востоке какие-то сведения из области математики и астрономии, которые потом применял в практических целях²². Вероятно, отсюда же он вывез представление о том, что все произошло из воды и что земля, подобно деревянному плоту, плавает на поверхности водной бездны²³. Возможно, что он начал интересоваться и теоретическими проблемами математики, однако к сведениям о том, что он впервые стал доказывать геометрические теоремы, надо подходить с большой осторожностью. В лучшем случае это были «доказательства», основанные на перегибании или наложении чертежей²⁴.

Рассмотрим теперь другую традицию, согласно которой Фалес выступает в качестве ученого-профессионала, единственной целью жизни которого является познание истины. В наиболее яркой форме эта традиция представлена в платоновском «Теэтете» — в рассказе о том, как, наблюдая небесные светила и заглядевшись на небо, Фалес упал в ко-

¹⁹ См. *Нейгебауэр О.* Точные науки в древности. М., «Наука», 1968, с. 144—145.

²⁰ *Плутарх.* Солон, II.

²¹ ДК II, А 11 (свидетельства Прокла, Плутарха, Иосифа Флавия, Аэция, Ямвлиха).

²² Например для определения расстояния, на котором находятся от берега корабли, плывущие в море (*Прокл.* Комментарий к Эвклиду, с. 352).

²³ См. прим. 2.

²⁴ См. История математики. Под ред. А. П. Юшкевича. М., «Наука», 1970, т. I, с. 64—66. Весьма скептическую позицию в этом вопросе занимает английский историк античной науки Дикс (*Dicks D. R.* Thales.— «The Classical Quarterly», 1959, v. 53, p. 294—309).

лодец, а какая-то служанка, оказавшаяся невольной свидетельницей этого происшествия, стала над ним смеяться: жаждет-де знать, что происходит на небе, и не замечает, что у него рядом и под ногами. По словам Платона, эта насмешка относится ко всем, кто проводит время в философствовании. После этого следует знаменитый панегирик в адрес философа, который вследствие полного равнодушия к окружающей повседневности попадает по неосторожности впросак, вызывая смех не только у служанок, но и у всей черни, и эта ужасная беспомощность создает ему славу глупого человека²⁵.

Бросается в глаза несоответствие такого Фалеса тому образу мудрого государственного мужа, практического коммерсанта и любознательного путешественника, который складывается на основе других свидетельств, частично приведенных выше. Откуда же возник этот новый идеал — уже не мудреца, а ученого философа, — нарисованный Платоном с такой яркостью и художественной выразительностью?

Этот идеал был нужен Платону прежде всего для того, чтобы противопоставить его типу софиста-просветителя, ставшему неотъемлемой принадлежностью греческой интеллектуальной жизни второй половины V в. до н. э., который подвергся насмешкам со стороны комедиографов того времени²⁶, а затем был выведен в ряде платоновских диалогов, прежде всего в двух диалогах, обозначенных именем Гиппия. Мы ограничимся приведением цитаты из диалога «Гиппий больший», в котором самоуверенному всезнайке Гиппию противопоставляется образ истинного философа.

«Сократ. Гиппий, славный и мудрый, наконец-то ты прибыл к нам в Афины.

Гиппий. Все недосуг, Сократ. Всякий раз, как Элиде нужно бывает вести переговоры с каким-нибудь государством, она обращается ко мне прежде, чем к кому-нибудь другому из граждан, и выбирает меня послом, считая меня наиболее подходящим судьбою и вестником тех речей, которые обычно произносятся от каждого из государств. Много раз я бывал послом в различных государствах, чаще же всего и по поводу самых многочисленных и важных дел — в Лакедемонне. Это-то и есть мой ответ на твой вопрос: ведь я даже не заезжаю в ваши места.

Сократ. Вот что значит, Гиппий, быть поистине мудрым и совершенным человеком. Ведь ты умеешь и в частной жизни, беря с молодых людей большие деньги, приносить им пользу — еще большую, чем эти деньги; с другой стороны, ты и в общественной деятельности умеешь оказывать благодеяние своему государству, как и должен поступать всякий, кто не желает, чтобы его презирали, а, напротив, хочет пользоваться доброй славой среди большинства. Однако, Гиппий, какая причина того, что древние мужи, имена которых прославляются за их мудрость, — и Питтак, и Биант, и милетянин Фалес с его последователями, да и жившие позднее, вплоть до Анаксагора, — все или большинство из них, по-видимому, держались в стороне от государственных дел?»²⁷

Вспомнив, что было сказано выше о «семи мудрецах», нетрудно заметить, что Платон вступает здесь в прямое противоречие с исторической действительностью. «Древние мужи», которых называет по именам Платон, не только не держались в стороне от государственных дел, но в большинстве своем сами были государственными деятелями и во всяком случае всегда находились в центре общественной и политической жизни своего времени. Утверждение Платона может быть признано справедливым лишь в отношении Анаксагора, но это особая тема, и о ней будет немного сказано ниже.

²⁵ Платон. Теэтет, 174 А—175 Е.

²⁶ Аристофан. Облака; Эвполид. Лыстецы и др.

²⁷ Платон. Гиппий больший, 281 А—С (Платон. Сочинения в трех томах. М., «Мысль», 1968, т. 1, с. 151—152).

Тем не менее в силу авторитета Платона его образ Фалеса как ученого, стоящего далеко от суеты политической и общественной жизни, утвердился в сознании последующих поколений. Так, Аристотель в «Никомаховой этике» снова ставит имя Фалеса рядом с именем Анаксагора: «Поэтому-то Анаксагора, Фалеса и им подобных называют мудрецами, но не практичными, ибо видят, что они не понимают собственной выгоды; про их знание говорят, что оно „чрезвычайно“ и „удивительно“, „тяжело“ и „демонично“, но бесполезно, так как они не доискиваются того, что составляет благо людей»²⁸.

Когда Аристотель писал эти строки, полемика с софистами давно уже отошла в прошлое. Но Аристотель принял платоновскую трактовку образа Фалеса, поскольку она соответствовала его собственному идеалу «созерцательной жизни». В дальнейшем этот идеал стал широко разрабатываться в античной философской литературе самых различных направлений. Помимо прочего, это было связано с тем, что занятия философией и теоретической наукой стали профессией наряду с другими профессиями, существовавшими ранее.

Отнюдь не случайным было то обстоятельство, что, рисуя идеал ученого-философа, и Платон и Аристотель наряду с Фалесом называют Анаксагора. Исторический Анаксагор гораздо больше соответствовал этому идеалу, чем исторический Фалес. Как уже отмечалось нами ранее, Анаксагор по сути дела был первым в истории европейской науки ученым-профессионалом²⁹. Буквально все источники рисуют Анаксагора как человека, вся жизнь которого была посвящена науке. Ради науки он уже в молодости отказался от богатого наследства, не имея ни охоты, ни способностей заниматься хозяйственными делами. Интерес к науке превалировал у него над интересом к делам своего отечества (т. е. Клазомен), и, когда его упрекнули в этом, он ответил, указав на небо: «Боже сохрани! Отечество очень даже интересуется мной». Уехав еще молодым человеком в Афины, Анаксагор больше в Клазомены не возвращался, и, когда его научные воззрения навлекли на него обвинение в безбожии, он переселился в более гостеприимный Лампсак, где и прожил последние годы своей жизни³⁰. Все это дает основание предполагать, что именно Анаксагор был реальным историческим прототипом платоно-аристотелевского идеала ученого, занятого только поисками истины и далекого от дел и забот повседневной человеческой жизни.

А почему же рядом с Анаксагором оказался Фалес? Он был привлечен в качестве древнего и бесспорного авторитета, именем которого должен был быть освящен идеал ученого, выдвинутый Платоном. При этом Платон придал образу Фалеса черты, которые были совершенно чужды историческому Фалесу — знаменитому гражданину Милета первой половины VI в. до н. э.

EVOLUTION OF A SCIENTIST'S IMAGE IN ANCIENT GREECE

I. D. ROJANSKY

Thales of Miletus is universally recognized as a founder of the European science and philosophy. Analysis of all existing sources for his life and activity reveals two different and even contradictory traditions. The first of them was connected with the old mythological legend on seven wisemen transformed by the Delphic priests in the VI-th century B. C. As to Thales the historical background of this tradition can be discovered in the testimonies of Herodotus. The second tradition (the image of Thales in Plato's «Theaetetus») reflected the ideal of a true philosopher formed by the end of V-th century B. C.

²⁸ Аристотель. Никомахова этика, VI, 7. 1141b 3—7 (пер. Э. Радлова).

²⁹ Рожанский И. Д. «Дело» Анаксагора.— В сб.: Научное открытие и его восприятие. М., «Наука», 1971.

³⁰ О жизни и деятельности Анаксагора см. Рожанский И. Д. Анаксагор. У истоков античной науки. М., «Наука», 1972, гл. 8.